

Роман с городом

Валентине и Евгению Голубовским

1.

Есть радость книги — первая любовь
к нечаянно открывшемуся тексту.
Есть город, появившийся из слов,
повелевавших: быть земному тесту
замешану — порублену — и вширь,
и ввысь ему раздаться по приказу
от давнего столетия и числа.

Царевна Лебедь волю изрекла.
О, витязь, тоже, кажется, была
совсем не Лебедь? Может быть, Лягушка?
Наяда? Няня, бодрая старушка?
Мы... выпьем?

Ах, как путаюсь, мой витязь,
оставь, моим смятением насытись,
довольно: я тебе не Ариадна,
чтоб строем тут ходить — по лабиринту
из мифологий, сорванных с цепи...
Лови же кончик нити — и крепи
к какому хочешь прочному устою,
промазав щели патокой густою.
И Гамлет (мол, "слова, слова, слова")
пускай услышит, хоть живой едва:

Есть город, появившийся из слов,
в котором вдруг слова — камнями стали.
Есть город-книга — с золотым обрезом,
с истертыми событиями виньеток,
он как лицо старинного портрета,
откуда вдруг выходит человек;
он мир творит, он заключает браки,
и вот — гляди: атлант с кариатидой

четою благонаправной и смиренной
столетья подпирают здесь балкон...
Есть книга с черепичною обложкой
и с бабочкой в изгибе переплета,
с главой "Фонтан", в которой нет фонтана,
а только сушь, да зной, да виноград

пускает корни, корешки корежа,
ветвится, прорастая через кожу

страны, истории и сотни языков;

побеги дышат, клубни набухают
и языки растут — растут — растут...

2.

Прямые и косые углы;
своевольные пятна света
не желают
принимать правильные формы;
запах —
    кофе по-турецки
    жареного мяса
    свежей плесени
очень старых улиц, где могли бы
примириться и вместе сочинять симфонии
Моцарт и Сальери:
их называли бы
братьями Мосальскими, например, —
они бы холили свои пейсы,
играли на бирже
и давали бы деньги
правым эсерам;

в запахе, словно в зеркале, отражен
другой город —
он как будто древнее,

но и моложе,
потому что современная его история
столетье назад была сочинена здесь...

Там,
на берегах другого моря,
там,
где песок и ветер
бессильны победить солнечную влагу,
в одном из каменных дворов
есть дерево, растущее в горшке,
которое качается в воздухе
на стальных растяжках —
совсем так же, как здесь —
в таких же дворах —
на веревках — белье...

Здесь
колокольный звон отливает Грецией,
жаль только,
что его нельзя сфотографировать
и отослать подруге;
а когда едешь в трамвае,
то видишь, как турист-арлекин
отпрыгивает от рельсов,
и как собака лает —
отчаянно-беззвучно —
на мраморную руку,
простертую над асфальтом, —
и ничего прекраснее этой руки
как будто нет и не было на свете...

3.

За низкой дымкой — далекий холм
упирается в горизонт;
унылый ряд облаков проколол
закатного солнца зонт;

и миг за мигом — вскипал во мне
образ другой страны,
где можно заснуть на упругой волне
и видеть другие сны...

4.

Не первые люди на свете, —
мы первых за пояс затмим:
ведь пусть мы и Божии дети,
но быть не желаем детьми.

Изгнания не разумеем
и Рая не помним давно.
Наверное, мы постареем.
Но нам повзрослеть не дано...

5.

Старость юности;
пот на губах — или кровь — или пена морская?
Белый шар у побережья, скажи, не титанья ли ты голова?
Тень от шара, скажи мне, не ты ли тот конус Сезанна,
из которого век вырастал, будто холст за холстом?

Напиши мне картину, художник, чтоб плавилось море над бездной,
чтобы чайки молчали, зависнув, у круглого края земли...

6.

Вот он стоит —

под облачной грядой
обличье изменяя поминутно,
кондитерский исторгнув аромат,
мечта ребенка-сладкоежки — город,
где нет двух одинаковых домов,
где время камнем сыто до отвала,
когда же, сытое, на миг замрет, —

увидишь:

бисквит балконов
на зубах хрустит,
и сахарные головы амуров,
и сдобное печенье маскаронов
надкусаны...

И убегая вспять,
живая жизнь становится предметом
воспоминаний...

7.

Утомленно станы гнут кариатиды,
Чешут головы усталые атланты,
Им бы стать чуток подвижней, как амурь,
Развернуть бы крылья, встать да улететь —

С этих зданий, что пышны, как будто торты,
С этих ярусов из каменного крема!
Мне так дороги решетки и фронтоны,
Что готова подержать их тяжкий свод —

Ждать покорно, чтоб атланты отдохнули,
Чтобы гипсовые раны затянулись,
Так и буду резво прыгать по фасадам,
Подпирая то ли эркер, то ли свод...

8.

Замок башнями вовнутрь,
где сверкает круглый угол,
где настенный перламутр
прорезает трещин угорь,

где то острый, то тупой
эллипсоид квадратный,
где шатает шар земной
пара парубков-атлантов,

где кончается весна
расцветаньем переплета
у балконного окна;
где, мелодии полета

вторя, — вместо голубей
львы в цветах сидят вразвалку,
превращая в мавзолей
плесневеющую свалку;

где топорщится донжон,
контрфорсов мускулистей,
стайкой парок окружен,
словно радуга, неистов...

9. Вальс

Место событий
заставляет переживать
события, не пережившие самих себя;
сойду
с пути своей жизни —
и подниму с земли
фонарь или решетку горсада,
отраженные
в упавшем листе клена...

Плещутся нити
длинной паучьей слюны,
сгнуло в нетях,
будто слоинки слюды,
место событий...

И звенят на ветру,
растворенные влагой соленой,
комариные души,
и плоская галька
сплющена пением вод...

Плещутся нити...
Сгнуло в нетях...
Место событий...

И хохочет, хохочет
Хронос-младенец, в гипсовый крем
вонзающий зубки...

Сквозь
отпечаток Оперного театра на занавеске в окне вагона
проступает
сначала контур,
а потом и вся золотисто-белая
пышная плоть
живого здания;
так рождается
несбывшееся воспоминание
(здравствуй, грусть
уходящего дня,
не скучала ли ты, поджидая меня
в месте событий?)...
А проезжая раздельную,
непреренно заплачу
в память о тех, кто не смог
заплакать здесь до меня...
Плещутся нити

длинной паучьей слюны,
сгнуло в нетях,
будто слоинки слюды,
место событий...

10.

Очень трудно поверить, что выпадет снег. Навсегда
Каждый раз — и цветенье, и зелень, и желтые листья.
В ожидании праздника праздник проходит. Вода
Отражает, замерзнув, камней виноградные кисти.

Очень трудно поверить, что жизнь коротка. Навсегда
Каждый миг, каждый возглас, движенье пугливое птичье.
Нет насмешки обидней — мгновенью поспешно придать
Имя, место и время, занятие, облик, обличье...